

310 | МАИ 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПАНОРАМА

По традиции мы было хотели рассказать о каких-нибудь достопамятных местах, связанных с его жизнью и творчеством. Но Башкирский художественный музей имени М. В. Нестерова, созданный усилиями Михаила Васильевича и на основе коллекции его работ, им переданных своему родному городу — Уфе, находится ныне в тяжелом положении, о чем наша газета сообщала 31 марта с. г. в письме группы деятелей культуры Башкирской АССР «Судьба Нестеровского музея». К стати, редакция не получила ответа ни от Башкирского обкома партии, ни от Совета Министров республики.

Квартира М. В. Нестерова в Москве, близ Старого Арбата, на Сивцевом Вражке, дом 43, где он жил и работал с 1920 по 1942 год, с которой связано рождение многих выдающихся его произведений, дом, на котором установлена соответствующая мемориальная доска, теперь занимает учреждение. А ведь бывшая его квартира (и мастерская) в этом доме — лучшее место для устройства мемориального музея прославленного живописца, о чем мечтает художественная общественность Москвы! И не пора ли подумать, отталкиваясь от этой юбилейной даты, над воплощением этой давно назревшей необходимости. Хочу добавить, что именно в этом доме Нестеров получил к своему 80-летию поздравление от Президиума Верховного Совета СССР: «В грозные дни Отечественной войны Ваш яркий талант и искусство, полное веры в силу, мощь родного народа, особенно нужно и ценно нашей Родине».

Мы решили представить нашим читателям выдержки из писем М. В. Нестерова последних лет его жизни — с 1936 по 1942 год (Михаил Васильевич умер 18 октября 1942 года). Мы подобрали письма, которые, как нам кажется, характеризуют его творческие и нравственные идеалы, его отношение к своему труду, к искусству, к творческой молодежи. Уверены, что письма во многом созвучны и проблемам нашего времени.

П. М. Керженцову. Апрель 1936 года.

...Нельзя строить не только большого, но и малого, но истинного искусства, не имея хорошо поставленных школ; они должны быть обеспечены высококвалифицированными и кадрами учителей, и только тогда будет польза — не только людям большого дарования, но и той неизбежной массе посредственностей, которая всегда пригодится в огромном государственном хозяйстве. Тот реализм, к которому сейчас призывают работников искусств, который был у передвижников их расцвету, должен быть подлинным, основанным на знании, на серьезном изучении природы и человека, в ней живущего, действующего. Тут нужна полная «дезинфекция» от того нагноения, извращенности «правды природы», что мы когда-то переняли от Запада и что так вредно отразилось на ряде поколений, по существу, здоровой молодежи. Эта извращенность, эта надуманная «теоретичность», этот «формализм» подвинули молодежь на легкий и нездоровый путь.

Оздоровление необходимо и естественно должно идти через школу, через познания природы и жизни, через примеры в нашем искусстве, через Иванова, Брюллова (портреты), Репина, Сурикова, Серова и других, знавших цену знанию, создавших вполне доброкачественное искусство (я не касаюсь здесь тематики). Художник обязан знать свое дело, быть в нем сведущим, как хороший врач, инженер, знать технику дела. Необходимо не только уметь распознать болезнь, но и излечить ее. Примеры историй академий, школ гласят, что в деле

Исполняется 125 лет со дня рождения замечательного русского и советского художника Михаила Васильевича Нестерова.

ЗАСЛУЖИТЬ ЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА

искусства обучения, овладения мастерством часто зависят не от даровитости учителя, как артиста-художника, а от особого призвания его к учительству, способности отдавать свои знания, увлекать, оплодотворять ими...

Репин — превосходный художник. В. Маковский, Шипкин были хорошими художниками, однако, несмотря на их благие намерения, ни один из них не был подлинным учителем, а был им П. П. Чистяков, хотя и талантливый, но бесплодный, обленевшийся красноречием, он был истинным учителем. Чистяков умел передать не только технику дела, но часто открывал своим ученикам «тайны творчества». Вот почему его ученики — Семирадский, Репин, Виктор Васнецов, Суриков, Серов, Врубель — и мы все, знавшие Чистякова, его любили и благодарно чтим его память.

Вы спросите меня: где же выход из создавшегося положения? Как «ликвидировать безграмотность» с ее следствиями, как приблизиться к желанному расцвету нашего искусства?

Школа без преподавателей (грамотных) немислима, наличие их невелико, старики ушли навсегда, царивший долгие годы «формализм» не мог дать здоровых ростков ни в чем, не дал он и грамотных учителей. Конечно, «земля наша велика и обильна», талантами природа нас не обидела, но нужны время и выдержка, чтобы возместить потерянное. Тут нужна та работа, которая была проделана за эти годы нашей армией. И вот тогда, когда наша молодежь будет грамотна, когда она научится смотреть на природу и жизнь трезвыми глазами исследова-

теля, она увидит в событиях нашего времени тысячи тем, увидит их впервые, восхитится ими, и это не будет «халтурой», а будет истинным творчеством, наступит подлинное возрождение нашего искусства...

П. М. Керженцову. Сентябрь 1936 года.

...Нередко личные вкусы музейных работников, при развеске картин, прикрываются так называемой «хронологической последовательностью», между тем эта «последовательность» так часто ими же и нарушается.

Хочется пожелать музейным работникам Русского музея в таком живом деле, как искусство, меньше педантичности, чиновничья...

М. В. Статкевич. 24 мая 1938 года.

...Сейчас я неожиданно для себя принялся за новый портрет. (Портрет Е. С. Кругликовой. — Е. К.). Сегодня начинаю писать красками. А еще три-четыре дня тому назад говорил утром за чаем, что больше уже писать не буду, что все эти краски и прочее надоели, что все «приелось», что нет ни к чему «вкуса», «аппетита».

Не знаю, верили ли другие, а я сам в это верил. И вот к вечеру явились гости — две дамы: старая и молодая — обе давнишние знакомые, одна (молодая) даже киевлянка. И вот случилось нечто: я «влюбляюсь» в старую семидесятичетырехлетнюю, и полетело все прахом.

Сейчас я пишу с нее портрет. Оба «влюбленные» страшно устают, но это не беда, оба живут, а это — «уже хорошо», как говорят у Вас на юге...

М. В. Статкевич. 15 июня 1938 года.

...Меня доконал портрет, он дался мне так трудно. Были моменты, а их было немало, когда мне казалось, что надо бросить это дело и вообще перестать думать об искусстве. Однако один счастливый день повернул все... Портрет закончил. Его хвалят, а я еще ничего не знаю.

Вы любите знать, кто же сия особа, наделавшая столько хлопот. Это девушка, интересная, талантливая, нам обоим сто пятьдесят лет... Но это ничего. Девушка так моложава, кокетлива, умна, что девятнадцать сеансов, несмотря на все трудности, протели почти незаметно. Да, Вы все же не знаете, кто эта чаровница... Это известная офортистка Елизавета Сергеевна Кругликова...

Ф. С. Булгакову. 26 августа 1938 года.

...Все Ваши планы мне нравятся (поездка на озеро, туда-сюда), но все они хороши при одном условии для нас, художников: искусство прежде всего. Ему, как Ваалу или более родственному Вам Перуну, понесем наши жертвы, таланты, силы, энергию и проч. Чтобы не впасть в «учительный» тон, скажу Вам: работайте, а там, осенью, будем живы, во всем разберемся.

Т. В. Савинской. 20 июля 1939 года.

...Теперешний так называемый «реализм» далек от реализма подлинного, основанного на изучении человека, жизни и природы, столь не понятных и чуждых сегодняшним, далеким от того, о чем грезил Чистяков и Савинский. Только подойдя к такому пониманию, можно еще надеяться, что то море «халтуры», что заливают сейчас наше искусство, иссякнет. Будем на это надеяться, иначе искусству, как его ни называли, — «реалистическим» или иным каким, не поздоровится. Оно падет еще ниже, чем мы наблюдаем сейчас. Не будет ни Чистяковых, ни Савинских, не увидят ни Суриковых, ни Репиных, ни Васнецовых, а далеко с г. и не уедешь. Повторю — книга очень нужная («П. П. Чистяков и В. Е. Савинский. Переписка. Воспоминания». Л.-М. 1939 год. — Е. К.), она, быть может, протрет очей нашей братии художникам, они взглянут прямо, честно на природу и человека. Школа наша скатилась вниз, и лишь героические усилия людей, подобных Вашему покойному родителю и его мудрому учителю, могут поднять ее на высоту, необходимую для ее процветания, развития, жизнеспособности. Нельзя утешать себя тем, что где-то на Западе работают еще хуже нашего: плохое, бесплодное утешение. Я так думал и думаю по сей день...

Е. П. Нестеровой. Июль 1939 года.

...Начну с того, что, проводив тебя в 7 часов, в 9 часов начал переписывать «Элегию». Написал «даму в белом», позвал Наталью (младшая дочь художника. — Е. К.), спрашиваю: лучше или хуже, говорит «хуже»; прогнал, а сам, не будь плох, все стер (бес-то все шепчет в ухо: соскочи старую фигуру, соскочи — а я все молчу). То был час второй. Победил, поспал, стал писать «даму в черном», был час шестой, звонит Е. П., я едва ворочая языком, продолжаю писать, написал, позвал судью — Наталью. «Это, — говорю, — лучше?» Говорит: «лучше, но старое все бы было лучше». Прогнал, решил из черной дамы сделать темную-синюю. Сделал, был час 9-й. Бросил, пошел кисти мыть, ноги едва волочу. Просидел десять часов!!

П. Е. Корнилову. 18 октября 1939 года.

...Когда приобретенные у меня музеем портреты увидят свет, музейный свет, а не пыль запасников? У Вас круглый год «кочующие караваны» выставок, сменяя одна другую. Эти выставки совершенно вытеснили из Русского музея все основное, всех Врубелей, Коровиных, Головиных, у которых было бы чему поучиться...

Ничего нет мудреного, что к Вам в музей посетители не заходят. Они без охоты несут к Вам свои рубли. Если бы эти выставки оставались у Вас на месяц, много — на два, а то они длятся по полугоду и больше. Не лучше ли бы было для таких выставок создать особый дворец, что ли... Картины таких выставок мало имеют общего с искусством в его настоящем, непреходящем значении. Так думаю не только я, но то же сказал бы Вас Суриков, Репин, сказали бы Иванов, Брюллов и многие, многие из нас. Ведь так дело может дойти до особых мастерских-фабрик, где в старые времена исполнялись казенные и частные заказы гражданского и церковного характера... Искусство имеет свое предназначение, и мы все, люди к нему причастные, этого забывать не можем, не смеем...

И. Д. Шадрю. 28 марта 1941 года.

Недавно я был в Третьяковской галерее, видел там поразившую меня по силе таланта, страсти, мастерства, так, как это бывало уметь это делать Ф. И. Шаляпин, скульптуру, мною раньше не виданную. Рабочий, молодой рабочий, в порыве захватившей его борьбы за дорогое ему дело, дело революции, подбирает с мостовой камни, чтобы ими проломить череп ненавистному врагу.

В этой великолепной скульптуре, так тесно связанной талантом мастера красотой духа с вечной красотой формы, всем тем, чем жили великие мастера, чем дышал Микеланджело, Донателло, а у нас «старики» и иногда еще один неизвестно зачем покинувший Родину.

Стою зачарованный, обхожу кругом — великолепно! Спрашиваю: чья? — говорят — Ивана Митрича...

С восхищением смотрю и снова возвращаюсь, чтобы любоваться моим другом, моим дорогим, истинным художником. Мысленно целую его крепко, желаю, чтобы он поскорей поправился и дал «такое», чтобы все любящие его возликовали, а завистливо-ненавидящие обкусали себе ногти...

Спасибо, дорогой Иван Митрич, за ту радость, какую Вы мне дали...

П. Д. Корину. 8 июля 1942 года.

...Я от всей души поздравляю Вас с прожитой интересной художественной жизнью, по временам нелегкой и тем более ценной. Но все, что прошло, — прошло. Там, в прошлом, было, как всегда и у всех, много чудесного, незабываемого, были, конечно, дни, часы, о которых лучше забыть, мы и забудем о них... Вам суждено оставить нашей Родине немало прекрасного. Пошли Вам господь силы душевной и здоровья для этого подвига...

С. Н. Дурыхину. 7 октября 1942 года.

...Так ли все, как Вы говорите о моем искусстве, — покажет время. Оно строже и справедливее самого А. Н. Бенуа, все в свое время, разберет и поставит на свое место...

● **М. В. НЕСТЕРОВ. Автопортрет.**